

И. А. Разумова

ОТ «ЭГО-ДОКУМЕНТА» К «ЛИТЕРАТУРНОМУ ФАКТУ»: ОБ ОДНОЙ КНИГЕ ВОСПОМИНАНИЙ¹

Резюме

Целью изучения книги воспоминаний, созданной автором-«непрофессионалом», было выяснить, каким образом и при каких условиях документ личного происхождения может стать фактом литературы. Предмет рассмотрения — книга воспоминаний ученого, участника Великой Отечественной войны Р. А. Кравченко-Бережного, который жил и работал на Кольском полуострове. Одна из задач статьи — ввести эту книгу в научный оборот в качестве не только исторического источника, но и литературного текста. Основу книги составил ретроспективно обработанный дневник. Автор вел его в юности, когда жил на территории Западной Украины, оккупированной нацистами. Центральное место среди отраженных в дневнике событий занимает геноцид евреев в городе Кременце в августе 1942 г. В статье рассмотрены биография автора, содержание и структура книги воспоминаний, история ее публикации. Авторский жанр «стоп-кадры» связан с системой организации книги, в которой требовалось объединить автобиографическую линию с дневником и историями из последующей военной и послевоенной жизни. Жанр соответствует совокупности приемов литературной кинематографичности. Книга демонстрирует возможный вариант переструктурирования дневника в эго-документ другого вида и в произведение, обладающее художественными свойствами. Воспоминания Кравченко-Бережного можно рассматривать в контексте проблемы формирования фронтового поколения. Автор отличался от большинства сверстников тем, что изначально прошел «несоветскую» социализацию,

---

¹ Статья выполнена в рамках темы гос. задания № 0226-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XX вв.: исторический и антропологический ракурсы».

и это сказалось на интерпретации событий, выводах из пережитой истории и способе их представления читателю. Личность и жизненные обстоятельства определили расстановку идейно-нравственных акцентов, полностью соответствующих этосу интеллигенции.

Ключевые слова: эго-документ, дневник, воспоминания, литературный факт, жанр, Великая Отечественная война, оккупация, фронтовое поколение, Р. А. Кравченко-Бережной

Irina A. Razumova

FROM AN 'EGO-DOCUMENT' TO A 'LITERARY WORK': ABOUT ONE BOOK OF MEMOIRS

Abstract

The purpose of this research was to find out how and under what circumstances an autobiographical piece of writing can become a work of literature. The text being studied is the book of memoirs by R. A. Kravchenko-Berezhnoy, a scientist and a World War II veteran who lived and worked on the Kola Peninsula. One of the objectives of the article is to suggest that this book represents not just as a historical source but also as a work of literature. At the core of the book lies a retrospectively processed diary. The author wrote it in his youth when he lived in western Ukraine during the occupation of the Nazis. The diary focuses mostly on the genocide of Jews in the city of Kremenets in 1942. The article considers the author's biography and the contents and the structure of the book. The author's use of the 'freeze frame' genre is associated with the structure of the book: the writer needed to combine an autobiographical line with the diary and stories from the subsequent military and post-war life. This genre corresponds to the complex of 'literary cinematography' techniques. The book demonstrates how a certain type of an ego-document can be recast as a different kind of an ego-document and also as a literary text. Its contents can be seen in the context of the forming of the WWII veteran generation. The author differed from most of his peers in that he initially underwent "non-Soviet" socialization. This affected his interpretation of the historical events he witnessed, conclusions he drew from them, and the way they were presented to the reader. The personality and the life circumstances of the author determined the arrangement of the ideological and moral accents that fully correspond to the ethos of the intelligentsia.

Keywords: ego-document, diary, memoirs, literary text, genre, World War II, Nazi occupation, WWII veteran generation, R. A. Kravchenko-Berezhnoy

DOI 10.31860/2712-7591-2020-2-156-181

Введение

«Эго-документ» — широко используемый и обсуждаемый термин, который по основному значению заменяет более привычное обозначение «источник личного происхождения» [Schulze; Dekker; Passerini, Geppert].

В состав источников, объединяемых этой категорией, включаются дневники, эпистолярный, автобиографии, мемуары, то есть тексты, подлежащие одновременно источниковедческой и филологической «юрисдикции». Из широкого круга проблем, связанных с изучением и использованием таких источников, для историков ключевыми являются вопросы об их эвристической ценности и «достоверности», для филологов — о месте в поле литературы. Те и другие дискутируют по проблемам типологии, видовых и жанровых свойств, информационного потенциала, границ и внутренней структуры «эго-документов» и «документальной литературы», обсуждают подходы к изучению, дефиниции, технологии описания и анализа (см., напр.: [Житомирская; Шайтанов; Шеретов; Галиуллина; Местергази, 2006; Федоров; Тесля; Георгиева, 2016; Mascuh, Dekker, Baggerman; Луцевич; Филатова]). Методологически проблемы решаются двумя взаимодополняющими способами: путем широких внутри- и межвидовых и жанровых сопоставлений и через исследование отдельных феноменов — конкретных документов и произведений. В нашем случае избран второй путь, отправной точкой которого служит утверждение Ю. Н. Тынянова о том, что «в теории литературы определения не только не основа, но все время видоизменяемое эволюционирующим литературным фактом следствие. (...) Определения литературы, оперирующие с ее „основными“ чертами, наталкиваются на живой литературный факт» [Тынянов, с. 255, 257].

Целью изучения книги воспоминаний, созданной автором-«непрофессионалом», было выяснить, каким образом и при каких обстоятельствах документ личного происхождения может обрести новые качества (социальные функции) и, в частности, стать фактом литературы. Предмет рассмотрения — книга воспоминаний ученого, участника Великой Отечественной войны Р. А. Кравченко-Бережного [Кравченко-Бережной, 2008].

Некоторые теоретические основания

До недавнего времени существовала тенденция маргинализации «эго-документов», в каких бы дисциплинарных рамках они ни рассматривались. У историков они вызвали большие сомнения по части «достоверности» фактов вследствие выраженной личностной субъективности. Литературоведы отказывали им в «литературности», отождествляемой с «художественностью», авторской рефлексией и включением пишущего в литературный процесс. Ситуация менялась по мере методологических сдвигов, которые происходили в гуманитарных науках во второй половине XX в. Предметом исторических штудий становилась субъективная реальность — идентичность, ментальность, эмоции, социальная психология, идеология и т. д. ин-

дивидуальных и коллективных действующих в истории субъектов. А изучение субъективной реальности, по бесспорному замечанию автора одного из лучших исследований о психологии войны в XX в., возможно главным образом на основе субъективных источников [Сенявская]. Внимание к личным свидетельствам («я-нарративам», дневникам, письмам, автобиографиям, воспоминаниям) значительно усилилось, когда они попали в фокус специальных социологических и антропологических исследований и методологических новаций («биографического метода», «устной истории», «интеллектуальной истории» и пр.). Изучение устной и письменной мемуаристики получило серьезный импульс благодаря *memory studies* — концептуальным исследованиям социальной (коллективной, исторической, культурной) памяти и коммеморации, которые развиваются бурно и разнонаправленно (см., напр.: [Connerton; Kansteiner; Assmann; История и память; Gensburger; Olick, Sier, Wuestenberg]).

Ограниченность памяти социальными рамками позволяет на примере отдельных феноменов наблюдать динамические процессы социально-культурной идентификации, смены мировоззрений, осмысления прошлого, развития личности и многие другие. Потребность помнить выводит историю за пределы деятельности профессионалов, то есть превращает каждого в историка себя самого [Нора]. В первую очередь это относится к свидетелям и участникам исторических потрясений. Так, литературная ситуация после Великой Отечественной войны характеризуется понятием «мемуарный взрыв» [Георгиева, 2012, с. 128] — при всем том, что идеологические условия отнюдь не способствовали развитию мемуаристики в советское время².

В последние десятилетия XX в., в особенности после «смены веков», «нефикциональная» литература стала неуклонно вытеснять литературу художественную. Это касается как расширения социального состава пишущих, так и предпочтений читателей. Переоценка прошлого и канонизированной истории сопряжена с переосмыслением личностным. Недоверие к официальной истории обернулось повышенным интересом и доверием к персональным историям людей, «выживших» в истории. По замечанию М. Балиной, «*Story* на данном этапе главенствует над *History*, на смену универсальному опыту приходит опыт индивидуальный: история отдельной человеческой жизни пе-

---

² О масштабе публикаций мемуарной литературы в послевоенные десятилетия свидетельствуют данные, приведенные А. В. Быковым. Серия «Военные мемуары», которая выходила с 1959 по 1990 гг. в Военном издательстве Министерства обороны СССР, насчитывает 320 томов воспоминаний участников войны, тружеников тыла, советских и партийных руководителей. Аннотированный указатель военно-мемуарной литературы, опубликованной центральными и местными издательствами с 1941 по 1975 г., изданный в 1977 г., содержал аннотации 886 книг [Быков, с. 56].

рестает быть метафорой истории общественного строя. По-видимому, происходит некая приватизация истории, при которой мемуары, дневники, автобиографии — все, что формирует сегодня мир *non-fiction*, — предлагают читателю более достоверную версию прошлого, чем исторический документ» [Балина].

С литературоведческой точки зрения мемуары рассматриваются как «нехудожественное повествование, предполагающее доминанту нефикциональности» и конкретное авторство, вследствие чего они «помещаются между историческим повествованием и беллетристикой» [Боровикова, Гузаиров и др., с. 348]. По формулировке А. Г. Тартаковского, который справедливо считается одним из основоположников изучения истории русской мемуаристики, главными признаками мемуаров как текстов являются «документальность, ретроспективность, субъективность, связанная с проявлением индивидуального, личностного начала» [Тартаковский, 1991, с. 32]. Эта концепция разделяется всеми, кто изучает «мемуарную литературу», «автобиографическую прозу», «дневниковую литературу», какие бы различия между ними ни устанавливались. Утвердилась идея «амбивалентной природы» такой литературы, требующей комплексного исследования различных ее форм в аспекте взаимодействия субъективного и документального начал [Маркусь; Резник, Заатов].

Другой аспект проблемы «двойственности» данного феномена — использование литературно-художественных средств в литературе с установкой на документальность и опирающейся на документ (*non-fiction*). В этом ракурсе рассматриваются в первую очередь тексты писателей — «профессионалов», включенных в социальное поле литературы [Колядич; Кириллова; Кознова; Резник], а также представителей художественной интеллигенции, то есть авторов, социально близких писательской среде и обладающих литературными навыками [Галькова; Воробьева]. Воспоминания, дневники, записки и т. п. лиц, не связанных с литературно-художественной деятельностью, анализируются преимущественно в аспекте социально-культурной идентификации пишущих, их культуротворческой роли [Матханова; Сословие русских профессоров] и / или в качестве специфического исторического источника (см., напр.: [История в эго-документах; Хелльбек]. Для того чтобы отнести тот или иной текст к сфере литературы, требуются некие критерии, которые весьма вариативны. В этой связи уместно вернуться к конструктивистской идее о том, что профессия писателя относится к одной из наименее кодифицированных, несмотря на все усилия писательских сообществ и специалистов [Бурдые]. С одной стороны, свойства текста зависят от социально-культурных характеристик личности (не обязательно, но часто

закрепленных профессией), с другой стороны, они субъективно оцениваются профессиональным сообществом на предмет: а) литературности; б) художественности. Не вполне оправданным выглядит противопоставление словесности «примарной», т. е. «профессиональной», и «секундарной», или «непрофессиональной словесности взрослых людей», которая характеризуется «определенным усредненным стилем, не имеющим авторского „лица“», «клишированностью на всех уровнях словесной организации», «нерефлексивным влиянием той или иной субкультуры в целом или отдельных ее явлений», «отсутствием установки на рефлексивную инновационность» [Бондаренко]. Такая классификация не учитывает не только личностный фактор, но и социальный. Ей противоречат, прежде всего, литературные факты, которые относятся к области документальной литературы и созданы представителями научной и творческой интеллигенции (их трудно заподозрить в «нерефлексивности», нечувствительности к слову и стереотипам). Даже если создание художественного и новаторского произведения не является важной мотивацией, автор создает текст, у которого, скорее всего, будут читатели. Вопрос в том, в какой степени такая интенция выражена: «Эстетическая преднамеренность может достигнуть того предела, когда письма, дневники становятся явной литературой, рассчитанной на читателей — иногда посмертных, иногда и прижизненных. Мемуары, автобиографии, исповеди — это уже почти всегда литература, предполагающая читателей в будущем или в настоящем, своего рода сюжетное построение образа действительности и образа человека» [Гинзбург, с. 12–13]. Эго-документ, обретая литературную форму, наделяется новыми смыслами и создает их. Особенно это касается воспоминаний, автобиографий, дневников, в которых «историк самого себя» размышляет над историей и собой. А. А. Тесля обращает внимание на то, что даже сама по себе запись в дневнике — более далеко от художественной литературы, чем мемуары или автобиография, — удостоверяет значимость события в сознании автора [Тесля, с. 13], то есть придает ему особый смысл.

Согласно аргументированной концепции Е. Г. Местергази, «всякое произведение, в котором факт выполняет не столько служебную, сколько самостоятельную эстетическую функцию, есть произведение, принадлежащее художественной реальности» и «„документальная литература“ может быть выделена в отдельный вид художественной литературы с присущей ему спецификой художественной образности» [Местергази, 2008]. Вместе с тем включение документальной литературы в сферу эстетического может осмысливаться как динамический процесс, связанный с изменениями исторического, художественного, авторского сознания, с виртуализацией реальности,

документа, факта. По мнению А. А. Тесля, граница между документальной и художественной прозой размывается: «документальный текст теперь сохраняет связку с документом, но утратил иллюзию реальности: документ больше не является свидетельством достоверности и реалистичности, его конструктивность открыта для самого автора, сознающего, что всякий текст,

1. Р. А. Кравченко-Бережной. Апатиты, 2005 г.
Архив Центра гуманитарных проблем Баренц
региона ФИЦ КНЦ РАН

им создаваемый, не может оказаться простой фиксацией, а неизбежным оформлением, следовательно, изменением — внесением смыслов, мало контролируемых самим автором, а диктуемых реальностью текста» [Тесля, с. 15].

Учитывая эти позиции, а также сложность и актуальность для всего комплекса гуманитарных наук проблем изучения «документальной литературы», обратимся к конкретному произведению, условно обозначенному как «книга воспоминаний».

Автор и его дневник

Роман Александрович Кравченко-Бережной (1926–2011) родился в городе Кременце, который в то время был польским³, в семье выходцев из России. (ил. 1) Отец — Александр Васильевич Кравченко-Бережной — имел дворянское происхождение, был

участником Первой мировой войны, офицером. Его образ в воспоминаниях сына окрашен уважением и состраданием: «Отец навоевался в Первую мировую. К двадцати двум из вольноопределяющихся дослужился до штабс-капитана и комбата, весь был в орденах и при золотом оружии „За храбрость“. (...) Я часто испытывал чувство щемящей жалости при мыслях об отце. Всю мою жизнь» [Кравченко-Бережной, 2008, с. 30]⁴. С войны отец вернулся

³ Сейчас город в Тернопольской области Украины.

⁴ В дальнейшем ссылки на текст даются по этому изданию в круглых скобках после цитаты.

инвалидом, а в Кременце будущие родители мемуариста оказались «в итоге лихолетья Гражданской войны». Это было еще до того, как в результате польско-советской войны 1920 г. территория отошла к Польше⁵. А. В. Кравченко-Бережной чудом избежал большевистского расстрела за принадлежность к «офицерью». К могиле его расстрелянных боевых товарищей отец и сын каждое лето приносили цветы. Двумя десятилетиями позже, когда территория войдет в состав СССР, отца арестуют, и вновь он спасется. На этот раз благодаря «неразберихе» в городе в связи с приближением немецких войск. Военный опыт отца и практические навыки, привитые им с детства сыну, очень помогут Роману адаптироваться к фронтовому быту на Великой Отечественной.

В 1930-х гг. семья некоторое время жила в Варшаве, где Роман и его старший брат Юрий учились в русской гимназии. Русским, польским и украинским языками будущий мемуарист владел с раннего детства. Склонность к литературным занятиям и языкам сформировалась у него в родительской семье — интеллигентной, обеспокоенной судьбами России, нацеленной на образование детей, изучение европейских языков и в то же время на сохранение русской культуры и общение в своей языковой среде: «Папа всё знает: языки, историю, ботанику, Священное Писание... У нас всегда людно. Квартирка в две комнаты, а народу приходит всякого: студенты — Юрины приятели, знакомые священники <...> Разговоры в нашей квартирке — на русском. Здесь — кусочек России» (с. 18–20). Учили его и французскому языку, который мама Романа называла «языком светских людей, понятным во всем мире». На литературные способности мальчика обращали внимание школьные учителя словесности. На экзамене по польскому языку «панна» учительница заметила: «Лучше всех написал Кравчэнько. Мне просто неприятно констатировать, что лучшее сочинение в классе написал не поляк» (с. 22). Позже, в советской школе, в 1940 г. учительница русского языка «даже посулила будущего писателя, — пишет Кравченко-Бережной. — Писателем я не стал: уже начинался конец света» (с. 7). Уважение к русской культуре, которая для семьи была «своей», и советская социализация в 1939–1941 гг., а также семейная установка на общение с людьми независимо от их политических пристрастий, о чем можно судить по рассказу о домашнем быте и знакомых, сказались на положительном отношении Романа к Советской России. Здесь взгляды отца и сына не совпадали. Ретроспек-

---

⁵ В 1950-х гг. на вопрос майора милиции, были ли его родители эмигрантами, Кравченко-Бережной ответил, что это «граница „эмигрировала“ на восток. А они остались у себя дома в Кременце» (с. 40).

тивно оценивая себя в то время, автор подчеркивает, что «эти без малого два года, с сентября тридцать девятого по июнь сорок первого, остались яркой картинкой в альбоме памяти. В открытой всему доброму мальчишеской душе поселилась вера в светлое будущее для себя и для всех, в мир равенства и справедливости. Проявления несправедливости, в первую очередь по отношению к отцу, к близким, хотелось не замечать» (с. 34). Эта вера укрепилась и в силу того, что «Советы» воспринимались как страна, противостоящая нацизму — абсолютному злу с точки зрения ценностей, разделяемых семьей Кравченко-Бережных.

С июля 1941-го до середины марта 1944 г. Кременец был оккупирован немцами. Школу закрыли. Стараясь избежать трудовой депортации, Роман начал работать на гребешёчной «фабрике», в штате которой было шесть человек. Оставалось заниматься самообразованием, в том числе уделяя большое внимание языкам: немецкому, английскому. Увлечениями, сказавшимися впоследствии на выборе специальности, были техника и физика. Все время оккупации, сидя дома на чердаке, юноша вел дневник, в который записывал происходящее в городе, свои впечатления от увиденного и услышанного. Он стал летописцем Кременца периода оккупации. Историки могут почерпнуть из этого источника ценные факты и наблюдения о жизни и быте небольшого города с полиэтническим населением. Здесь действовали оккупационный режим и местная украинская администрация, жили люди разных вероисповеданий и приверженцы разных идеологий. Наряду с официальной и тайно услышанной по спрятанному радиоприемнику неофициальной информацией циркулировали разнообразные слухи и толки. Все это фиксировал и комментировал автор дневника, излагая свои сомнения, размышления и эмоции по поводу тех или иных сведений в диапазоне тем от политики европейских держав до пересудов соседей и норм выдачи хлеба⁶. Информационная емкость дневника как источника очень высока.

Если рассматривать дневник как цельный текст о событиях определенного времени и места, то можно выделить в нем основную сюжетобразующую тему: унижение евреев. Трагической кульминацией стало уничтожение еврейского гетто в Кременце в августе 1942 г. Этот известный исторический факт в данном случае описан очевидцем. Он с близкого расстояния наблюдал, как везут на казнь и убивают людей, среди которых знакомые и школьная подруга Фрида, «первая любовь». Глава, посвященная этому событию,

⁶ Подробнее информационные возможности источника рассматриваются в статье: Разумова И. А. Книга Р. А. Кравченко-Бережного «Между белым и красным» как исторический источник и авторский текст // Ученые записки Петрозаводского государственного университета (в печати).

при переработке дневника в книгу была озаглавлена «Кровавый август» (с. 131–147). Записи тех дней передают непосредственные чувства юного автора в сочетании с рефлексией и наблюдениями, фиксировать которые он не переставал, несмотря на переживаемый момент: «19 августа. Сегодня везли Ф. Не могу отдать себе отчета в своих чувствах. Очень тяжело, стыдно. За людей, которые смотрят на это с безразличием или злорадством. (...)». Она ехала стоя, с гордо поднятой головой. Это было полчаса назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года — я уверен, она, и умирая, не опустит голову. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и когда-нибудь отомщу! (...) Последний привет от Ромки! (...). Сегодня утром на Широкой (улица в Кременце. — *И. Р.*) лежала убитая женщина. Она пыталась спастись и тем ускорила свой конец. Поплатилась за то, что осмелилась захотеть жить! Когда пишу, из тюрьмы доносятся выстрелы. Вот опять! Может быть, он был предназначен Ф.? В таком случае ей теперь лучше. Нет, ей теперь никак» (с. 139–140). Можно полагать, автор «пишет, как дышит», записывание для него — это естественный способ реагирования на ситуацию и переживания ее. В свое время Л. Я. Гинзбург отметила, что, в отличие от художественной литературы, «документальная литература несет читателю двойное познание и раздваивающуюся эмоцию. Потому что существует никаким искусством не возместимое переживание подлинности жизненного события» [Гинзбург, с. 11]. Значение наблюдаемых событий Роман Кравченко хорошо понимал. После событий «кровавого августа» он сделал запись: «Ну и времена настали, не повторятся больше такие. Надо все записывать, не то еще, пожалуй, вспомнишь когда-нибудь — не поверишь» (с. 145).

Дневник начат, когда автору было пятнадцать лет, и заслуживает быть отмеченным широкий круг его интересов, включающий вопросы политики, истории, социальных отношений, литературы, языка. Дневник написан исключительно грамотно, литературная речь подростка образна, иронична, изобилует сарказмами. Часто используются кавычки и другие средства пунктуации. Органично и живо включается прямая речь разных персонажей. Принимая роль оратора, автор дневника часто обращается к виртуальной аудитории, в качестве которой могут представать «господа патриоты», правительства воюющих держав или сограждане: «1 сентября. Поздравляю вас, граждане, с наступлением осени, так сказать, и одновременно с наступлением нового 1941/42 учебного года, который у нас, осчастливленных пребыванием под немецким сапогом, запаздывает» (с. 67). Впоследствии Р. А. Кравченко-Бережной обратит внимание читателя на то, что в его юношеских писаниях заметно влияние стиля М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, а «Золотой теленок» был в солдатском вещмешке, с которым

он уходил на фронт (с. 65). Юный летописец очень наблюдателен, внимателен к деталям поведения окружающих и бытовым подробностям, склонен к саморефлексии. Эти и другие особенности текста, несомненно, объясняются принадлежностью автора к определенной культурной среде и представляют свойства вполне сформировавшейся личности. Бескомпромиссность и язвительность суждений, романтическое увлечение идеалами Советской России — следствие возраста, которое и сам он уже начал осознавать, размышляя о том, *как и почему* именно так думает и пишет, и заноса эти мысли в дневник.

У дневника яркая история. В кратком авторском изложении она следующая: «Я вел этот дневник во время всей оккупации, то есть с июля 41-го по январь 44-го года. Я собирался закопать его, в общем, запрятал на чердаке в нашем доме родительском. Но когда я оказался на фронте, то я понял, что о нем может вообще никто не узнать, поскольку на фронте убивают. И я написал об этом дневнике отцу. Он его нашел, почитал и пришел к заключению, что его надо передать Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов. Была такая комиссия во время войны и после войны в течение ряда лет. Этот дневник, таким образом, оказался в Москве, а затем в числе документов Нюрнбергского процесса» (из интервью с Р. А. Кравченко-Бережным)⁷. Когда дневник возвратили, А. В. Кравченко-Бережной передал его в кременецкий музей.

В январе 1944 г. советские войска приблизились к Кременцу, Роман ушел на фронт. Он воевал в Белоруссии, Прибалтике, участвовал в освобождении Варшавы, в Берлинской операции, а затем до 1949 г. служил в Германии военным переводчиком. (ил. 2) «Фактор анкеты», включавший происхождение и пребывание на оккупированной территории, сказался на его дальнейшей жизненной траектории, но не стал критическим. Роман Александрович был убежден, что «обстоятельства, воспринимаемые нами подчас как удар судьбы, оказываются сплошь и рядом лучшим из всех возможных жизненных вариантов» (с. 352). Военнослужащих, которых после «почетной пятилетней миссии за рубежом» сочли «разложенцами», из Германии вывезли в Куйбышев — «хотя и не под конвоем, но в сопровождении и с изъятыми документами». Итогом было направление в стройбаты, на лесозаготовки или, как в случае Кравченко-Бережного, на шахты Дон-

⁷ Текст приведен в конкурсной работе по истории десятиклассницы города Мончегорска Татьяны Никитиной; работа размещена в электронном журнале «Уроки истории. XX век», датирована 10 августа 2010 г. См.: Память и предупреждение (записки из оккупации). URL: <https://urokiistorii.ru/article/1137>. Пока не удалось выяснить, записано интервью школьницей или взято из публикации в местной прессе.

2. Р. А. Кравченко-Бережной — старший сержант, военный переводчик. Германия, 1947 г.

басса. Его, вероятно, и тогда отличало умение увидеть положительные стороны любой ситуации. По крайней мере, в воспоминаниях он пишет, что, увидев среди тех, с кем оказался вместе, фронтовиков-орденоносцев с многочисленными нашивками за ранения, понял: «...моё горе еще не горе. К тому же в поселке была вечерняя школа» (с. 353). Школу ему разрешили посещать и закончить, поэтому ко времени демобилизации в 1950 г. Роман имел аттестат зрелости и возможность поступить во Львовский университет. Учился он на факультете физики, для которого анкетные сведения не были важными. Следующее поворотное событие произошло в 1955 г., когда успешный выпускник собирался поступать в киевскую аспирантуру. На конференцию во Львов приехали видные ученые-геологи из Кольского

филиала академии наук А. В. Сидоренко и И. В. Бельков и «соблазнили» его перспективной и самостоятельной работой на Крайнем Севере. Предполагалось, что на три года, а оказалось, что до конца жизни⁸. В академическом научном центре в городе Апатиты Р. А. Кравченко-Бережной организовал лабораторию физических методов исследования минералов и заведовал ею до 1988 г., защитив в 1961 г. кандидатскую диссертацию. Далее его работа в Академии наук была связана с международным научным сотрудничеством, с 1995 г. — в центре, который занимается гуманитарными исследованиями и в котором коллеги хранят о Ромane Александровиче светлую память.

В ближнем окружении Роман Александрович имел репутацию человека «старой» высокой культуры, интеллигентного, образованного, этикетного, ироничного. Это мнение поддерживалось опытом личного общения с Кравченко-Бережным, и оно подтверждается тем, что и как им написано.

Во всех биографических справках отмечено, что Р. А. Кравченко-Бережной — не только ученый, но и «литератор», «писатель», «занимался литературной работой» и т. п. Можно считать, что, будучи автором дневника и мемуаров, он стал «литературной личностью» и именно в этой роли приобрел известность. Его литературная репутация — «автор того самого днев-

---

⁸ Р. А. Кравченко-Бережной ушел из жизни в 2011 г. и похоронен в городе Апатиты Мурманской области.

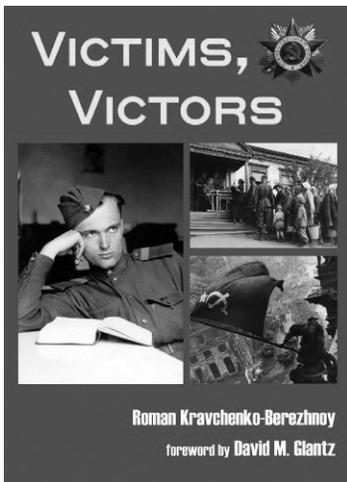
ника». Можно считать, что война сделала литератора из подростка, привыкшего и даже считавшего своим долгом вести дневник. А дневник, прежде чем стать историческим источником и фактом литературы, стал фактом общественно-политической значимости.

Создание книги

Литературных занятий Кравченко-Бережной не оставлял, хотя долго не публиковался. В 1978 г. Мурманское книжное издательство выпустило книжку «Переключка», написанную им для своих детей, с рассказами о войне, воинской службе и быте. «Книга получилась добрая, ироничная. В то время ее читали всей областью», — отметила Е. Я. Пация в послесловии к книге «Между белым и красным»⁹ [Кравченко-Бережной, 2008, с. 421]. Основным же литературным наследием автора стали книги воспоминаний о «его XX веке».

История создания книги воспоминаний Р. А. Кравченко-Бережного — это история того, как «эго-документ» совершенно определенного вида превратился в книгу, вид и жанр которой сложно определить. Впервые она была опубликована в 1998 г. в городе Апатиты на средства автора и называлась «Мой XX век. (Стоп-кадры)» [Кравченко-Бережной, 1998]. Второе, переработанное, англоязычное издание вышло в США в 2007 г. (ил. 3) Оно было предпринято по инициативе шведского литератора и историка Ларса Голленхаала, выполнено под его редакцией и называется «Жертвы, победители: от нацистской оккупации до завоевания Германии глазами солдата Красной армии» [Victims, Victors]. Предисловие к книге написал Дэвид М. Гланц. Третья книга — «Между белым и красным», которую мы рассматриваем как итоговую версию, была издана в Санкт-Петербурге год спустя. (ил. 4)

Три издания являются вариантами, подвергшимися переименованию, небольшой структурной и текстовой переработке. Отметим, что англоязычное название (скорее всего, предложенное издателями) переключает точку зрения с первого лица на третье, с самопредставления автора на взгляд со

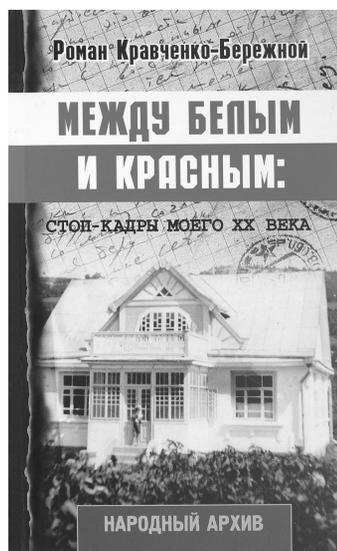

3. Обложка американского издания 2007 г.

⁹ В издании автор послесловия не указан.

стороны. Этот вариант названия, во-первых, увеличивает дистанцию между автором и читателями, во-вторых, формулирует основной сюжет, привлекая внимание потенциальной аудитории, в-третьих, определяет жанрово-тематическую принадлежность книги и социально-исторический тип повествователя (это мемуары советского солдата Второй мировой). Смысловой фокус русских названий — человек во времени, индивидуальный опыт переживания истории. Название первой книги стало подзаголовком той, которая названа «Между белым и красным», что предполагает коннотации с российской, семейной историей и биографией Р. А. Кравченко-Бережной.

Жанровое обозначение «стоп-кадры» имело для автора принципиальный характер. В аннотациях отмечается, что этот жанр им «изобретен». Кравченко-Бережной отказывался называть свое сочинение «мемуарами», на чем настаивал, иронично поясняя, что мемуары «публикуют те, кого в зарубежье кратко именуют VIP, виайпи, Очень Важными Персонами. Еще мемуары исходят от лиц, приближенных к виайпи: родственников, секретарей, горничных, охранников», и «делают это, скорее всего, за них. (...) Во всяком случае, *эта* книга написана автором лично» (с. 4). Еще Роман Александрович, неотъемлемым качеством которого была самоирония, любил называть свои сочинения «мемуаразмами», добавляя: «с учетом возраста автора». М. Лаппо справедливо связывает проблему типологии мемуарных изданий с семантикой и употреблением понятий: «„Мемуары“ (за счет иноязычного происхождения слова) относятся к более официальным текстам, опирающимся на документы, пишутся более „солидными“ авторами, например военными (...) „Воспоминания“ за счет существования другого лексико-семантического варианта этого слова, употребляемого в форме ед. ч., — показатель менее претенциозного текста» [Лаппо, с. 49–50]. Кравченко-Бережной если и претендует на «воспоминания», то с уточнением: «Разве что так — некоторые воспоминания, некоторые размышления. (...) „Воспоминания и размышления“ — это у славного маршала Жукова, под знаменами которого я имел честь служить и сражаться с осени сорок четвертого до конца войны. Он был маршал, я — солдат. И масштабы у нас во всём — соответствующие» (с. 5). Не нарушая волю автора, справедли-

4. Обложка книги
«Между белым и красным»

вее всего называть «Между белым и красным» «воспоминаниями». Вместе с тем здесь допустимо использовать термин «мемуары» в значении литературного произведения, основанного на памяти, имеющего установку на достоверность, организованного в цельный, достаточно объемный книжный текст. Установка на достоверность, как и понимание исторического значения, избирательности и субъективности памяти высказаны автором прямо: «Эта книга, если хотите, фотоальбом, сборник стоп-кадров памяти, свидетельских показаний. Десяток лет, уйдя в прошлое, могут не оставить по себе и следа, а мгновенья, камешки мозаичного панно Истории, впечатываются в память и остаются до конца дней. Где-то в том панно их недостает. Ан вот они, у меня. Такой вот альбом я и предлагаю читателю. Мгновенья обещаю воспроизводить без ретуши, по принципу: „Правду, только правду, и ничего кроме...“. Впрочем, всех нас, бывает, заносит... Но буду стараться» (с. 4).

Жанр «стоп-кадры» связан с системой организации книги, в которой требовалось объединить автобиографическую линию с дневником и историями из последующей военной и послевоенной жизни. Дневник и мемуары и как источники, и как типы текстов различаются функционально, сюжетно и по структуре. Тем не менее в литературной традиции они нередко перетекали друг в друга, совмещаясь в одном произведении. На это в свое время обратил внимание А. Г. Тартаковский, отметив, что «в мемуарной практике прошлого и настоящего дневниковые записи очень часто служили исходным материалом при составлении впоследствии мемуарных повествований (...), „прерывистая микроструктура“ свойственна многим памятникам русской мемуаристики XIX–XX веков» [Тартаковский, 1999, с. 41]. Воспоминания Кравченко-Бережного полностью соответствуют литературной традиции.

Для публикации в книге сформирована структура дневника, состоявшего из двух общих тетрадей. Содержание разделено на главы, имеющие названия. Весь раздел, основанный на дневнике, назван «Нашествие», он единственный в оглавлении к книге выделен прописными буквами. Всего разделов четыре, в оглавлении они отделены пробелами, без заголовков, а по содержанию условно (поскольку включают многочисленные отступления) соответствуют: 1) довоенному периоду; 2) оккупации; 3) завершающему этапу войны и фронтовой жизни повествователя; 4) послевоенному времени.

Автобиографическому канону более всего соответствует начало книги — главы, предпосланные дневнику. В них — о детстве, родителях, насыщенное яркими деталями описание Кременца середины 1930-х гг. глазами ребенка, который едет или идет по городку с родителями и старшим братом, о разговорах с отцом, подготовке к учебе, о гимназии. Затем, в главке «Передышка», несколько страниц посвящено времени с осени 1939-го до июня

1941 г.: от присоединения Западной Украины к СССР до начала Великой Отечественной. В эти без малого два года, как пишет мемуарист, он «ощутил Родину». Несмотря на несправедливости очередной социальной пересортировки людей, в том числе по отношению к его отцу, время описано как счастливое в сравнении с предыдущим. Передается настроение подростка, соответствующее советским книгам и кинокартинам тех лет, в том числе в звуках и красках. «В Кременце открылись школы: украинские, еврейская, польская, русская (...) А в классе никто никого не упрекал в том, что он не той национальности (...) В небе над городом кувыркались, сверкали в лучах солнца юркие истребители, тупоносые и короткокрылые. Шли кинофильмы о Максиме, трактористах, Чапаеве... Звучали новые песни — грустные и жизнерадостные. Ходили по Широкой (нет, теперь уже улице Сталина), скрипя португепями, командиры-танкисты в красивых горчичных френчах» и т. д. (с. 31—33). Ощутимо влияние прозы В. Катаева. Картина и интонация быстро меняются, когда память о школьной жизни натывает на «убийственный» вопрос: «Кем был твой отец до семнадцатого года?» Взгляд перемещается на братскую могилу русских офицеров, которая тогда же «вдруг исчезла, на ее месте оказалась ровная площадка, только травка еще не проросла, как вокруг. Потом появятся и травка, та самая — трава забвения» (с. 33—34).

Дневник сохраняет относительную автономию в составе книги. Он ретроспективно обработан без вмешательства в аутентичный текст. Единственная цель купюр — «сделать текст, как сегодня выразились бы, более „читабельным“». Этот дневник, даже с сокращениями, — пишет автор, — не развлекательное чтение, тут уж извините. Единственное, чего категорически не допускаю, это изменения тональности, окраски взглядов автора, даже если они отличаются от взглядов его же, повзрослевшего на шесть десятков лет» (с. 156).

В книге дневниковые записи разбиваются комментариями, дополняющими и корректирующими информацию. Среди них есть вставные новеллы о людях, обстоятельствах, случаях. Так, в новелле «Радио» с технологическими подробностями повествуется о том, как братья Кравченко смастерили радиоприемник и тайно пользовались им, и как случайно зашедший в дом немец чуть не обнаружил Романа за этим занятием (с. 174—179). После записи, датированной 3 января 1942 г., в которой упоминаются некие «лейтенанты», следует рассказ «Тот Новый год». В нем описаны дружеские встречи и взаимоотношения в компании, удивительной для военного времени, но обычной, если иметь в виду времяпрепровождение провинциальной молодежи. Кроме Романа компания включала двух барышень-сестер, австрийско-

го немца, который долечивался в санатории, двух советских военнопленных лейтенантов из лагеря-госпиталя и местного «полусумасшедшего поэта» (с. 89—92). Литература, основанная на эго-документах, автокоммуникативна по природе. Автор книги комментирует фактические сведения, мысли и чувства автора дневника, а иногда и литературные свойства его записей, именуя «себя в прошлом» в третьем лице — «автором дневника». Одновременно он ведет диалог с читателем.

Следующее за дневником повествование о воинской службе и послевоенной жизни выстроено по принципу ассоциативного соединения «картин прошлого». В дневниковой части этот принцип также отчасти присутствует, однако вставные фрагменты теснее связаны с фактами и прямой последовательностью записей, поэтому являются больше дополнениями, исправлениями. В контрапункте оказываются две реальности: наблюдаемая и существующая в памяти — и две интерпретации, которые различаются по времени, наличию / отсутствию дистанции от описываемых событий, возрасту, знаниям и опыту субъекта. У автора — и юного, и, тем более, взрослого — высокий уровень рефлексии. Он размышляет по поводу любых фактов и интерпретаций, сравнивая их, объясняя, противопоставляя и т. д.

Способ организации текста книги соответствует жанру «стоп-кадр». Кравченко-Бережной часто использует это понятие, особенно когда переключает внимание читателя на эпизод, хронологически не связанный с предыдущим. Ситуативные синонимы — «вспышки (памяти)», «картины», «прыжок в пространстве и времени», «нырок в прошлое» и др. «Стоп-кадры» соединяются не хронологией и не биографической траекторией, но ассоциативными связями — по принципу монтажа в кинематографе. Кинематографичность — свойство художественной литературы XX в. [Цивьян; Коваленко; Мартыанова]. Оно, с одной стороны, представляет совокупность общих признаков киноискусства и литературы [Можаева], с другой стороны, может рассматриваться как особый стиль художественной прозы, сложившийся под влиянием киноэстетики и по-разному проявляющийся в индивидуальных стилях [Михайловская, Тртунова]. Кинематографичность определяется как «характеристика текста с преимущественно монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими, средствами изображается динамическая ситуация наблюдения» [Мартыанова, с. 7]. Рассматриваемый текст основывается не столько на динамике наблюдения, сколько на прерывистом монтаже.

Историческим источником книга остается и за рамками дневниковой части. В первую очередь это касается военной повседневности и обстоятельств службы в послевоенной Германии. Самым сильным впечатлением Кравчен-

ко-Бережного было посещение Заксенхаузена, бывшего концлагеря, в который он был направлен в мае 1945 г. собирать письменные показания еще оставшихся там заключенных: «Судьба предоставила мне возможность еще раз воспринять, прочувствовать в концентрированном виде то, под гнетом чего мы существовали на протяжении без малого трех лет оккупации. Возможность лично подвести итоги». Детальное описание «фабрики смерти» призвано подтвердить значение свидетельского показания: «Я не любитель подобных историй. Но это — мой XX век. Все это было. Было! Слышал от людей в полосатой униформе. Видел. Держал в руках. Кое-кто говорит нынче: „не было“. Было! Свидетельствую! И молчать об этом нельзя. Для того и эта книга» (с. 309, 312).

Эпизоды мирной жизни, которые автор считает судьбоносными, встречи с людьми, повлиявшие на изгибы жизненной траектории, служебные и личные поездки по стране и за ее пределы, осмысленные как символические и поэтому запомнившиеся (или наоборот), сменяют друг друга, повинувшись логике не биографа, но, скорее, собеседника. В сюжетном плане разнообразят мирную жизнь происшествия. Самое выдающееся из них — история о том, как в 1990 г. Роман Александрович оказался в самолете, захваченном угонщиком, и благодаря знанию языка помог пилотам посадить самолет в Швеции и вновь поднять его в воздух (с. 389–401).

В книге воспоминаний, как в любом эго-документе, «личность автора является смысло- и структурообразующей. Именно ее рефлексии, память, интерпретации обуславливают повествование» [Луцевич, с. 48]. Автор уверен, что жанр его книги обусловлен самим способом существования индивидуальной памяти: «Я пишу лишь о том, что сохранилось в памяти из увиденного и пережитого лично. Отсюда и полюбившийся мне термин стоп-кадра. Выйти за эти рамки означало бы начать пересказ того, что в мою память было заложено другими. В том числе прессой, mass-media, исторической литературой. Пропагандистским аппаратом всех мастей...» (с. 290). Расстановка идейно-нравственных акцентов соответствует личности и опыту. В детстве Кравченко-Бережной получил не «советское», а «русское» и «европейское» воспитание, по характеру и способностям имел широкие интересы, рано пронаблюдал и испытал различные проявления этнофобии. И потому утверждал: «Задали бы мне в ходе какого-нибудь интервью вопрос, что я больше всего люблю, я бы, пожалуй, задумался. Но на вопрос, что ненавижу, ответил бы мгновенно: национализм. Если шире, то любые проявления нетерпимости» (с. 81).

Личный выбор касается событийно-исторической канвы повествования. Убежденный в «праве на собственное видение окружающего мира»,

Кравченко-Бережной напомнил об этом читателю, не нашедшему в воспоминаниях о XX веке «ничего об атомной и водородной бомбе, о Юрии Гагарине и человеке на Луне (...), об Эйнштейне и лазере, о клонировании и СПИДе, сулящем конец... Об Афганистане и Чечне...», а также о «самом главном» — распаде Союза (с. 412–413). В «его» XX веке главным была та война, на которой остались сверстники, их год рождения — 1926-й, «попавший последним в мясорубку войны и измолотый в гигантских победоносных сражениях 1944-го и 1945-го (...). Я в долгу перед ними. Где-то когда-то они прикрыли меня собой. И пусть эта книга будет — в память о них. От меня, которому везло» (с. 411).

Заключение

«Между белым и красным» — один из многочисленных вариантов описания и осмысления войны представителем фронтового поколения, проблема формирования которого «по своей значимости выходит за рамки Великой Отечественной войны. Жизнь его продолжалась и после ее окончания, а специфика духовных феноменов, определенная особенностями тех условий, в которых они складывались, явилась важным фактором обновления общества, противостояния сталинизму» [Сенявская, с. 189]. «Дофронтвой» опыт Р. А. Кравченко-Бережного отличался от опыта большинства советских сверстников, что сказалось на интерпретации событий, выводах из пережитой Истории и способе их представления читателю. При этом автор во многом мыслит и формулирует свои позиции в понятиях, характерных для текстов поколения «выживших на войне».

Воспоминания Кравченко-Бережного отвечают на вопрос о том, что дало основание значительной части фронтовиков осмыслить и оценить свою жизнь как счастливую или удавшуюся, если это не «идеологическая ограниченность», не религиозная вера и не только осознание случайности своего выживания. Жизнь «удалась» тому, кто выбрал оптимальное направление «самостроения» и сформировал определенное отношение к миру. Этот тип отношения включает приязненность, социальность, критицизм, сомнение в любой «казенной версии благополучия», «неприспособляемость» к власти, отрицание ксенофобии, установку на культурное развитие и гуманистические ценности. Концепция не уникальна, она полностью соответствует этосу интеллигенции. Книга позволяет проследить и процесс его формирования, и практику следования ему в уникальных исторических условиях и биографических рамках.

С литературоведческой точки зрения, книга «Между белым и красным» ценна для изучения, во-первых, авторского самосознания, во-вторых,

процесса взаимодействия документа и изящной словесности, в результате которого «вырабатываются не только неисчислимые жанрово-диффузные формы, но и тот фермент, соотносящийся с понятием „документальность“, дефиницию которого сформулировать, действительно, трудно» [Луцевич, с. 45]. История создания одной из книг о «своем XX веке» показывает возможный вариант переформатирования эго-документа из одного вида в другой и создания «литературного факта», обладающего художественными свойствами, связанного с другими литературными явлениями.

Помимо прочего, сочинение Р. А. Кравченко-Бережного дает прекрасную возможность испытать глубокое уважение к человеку, который пропустил через себя XX век и признал, что смог «сохранить и развить в себе главное: внутреннюю свободу, способность смотреть на самого себя без излишней серьезности». Сохранял он и уверенность в том, что «достойных звания ЧЕЛОВЕК безусловное большинство, в любые времена, при любом строе» (с. 411), в чем потомки, к сожалению, находят много оснований сомневаться.

Литература

- Балина — *Балина М. Р.* «Выживленцы» и постсоветская поп-мемуаристика // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 6 (ноябрь — декабрь). С. 23–30.
- Бондаренко — *Бондаренко М.* Текущий литературный процесс как объект литературоведения. (Статья первая). URL: <http://www.litsnab.ru/literature/231>
- Боровикова, Гузаиров и др. — *Боровикова М. В., Гузаиров Т. Т., Лейбов Р. Г., Сморжевских-Смирнова М. А., Фрайман И. Д., Фрайман Т. Н.* Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы // «Цепь непрерывного предания»: Сб. памяти А. Г. Тартаковского / Сост. В. А. Мильчина, А. Л. Юрганов. М.: Изд. центр Российского гос. гуманит. ун-та, 2004. С. 346—361.
- Бурдые — *Бурдые П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
- Быков — *Быков А. В.* Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 3 (3). С. 55–64.
- Воробьева — *Воробьева Т. Л.* Синтез документального и художественного в мемуарной прозе К. А. Коровина («Шалапин. Встречи и совместная жизнь») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 2 (20). С. 23–34.
- Галиуллина — *Галиуллина Д. М.* Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 2006. Т. 148, кн. 4. С. 36–45.
- Галькова — *Галькова А. В.* Особенности живописного экфрасиса в мемуарно-биографической прозе А. Н. Бенуа и М. В. Добужинского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2 (11). С. 27–48.

- Георгиева, 2012 — *Георгиева Н. Г.* Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2012. № 1. С. 126–138.
- Георгиева, 2016 — *Георгиева Н. Г.* Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2016. № 1. С. 7–19.
- Гинзбург — *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л.: Худож. литература, 1977. 449 с.
- Житомирская — *Житомирская С. В.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 41–59.
- История в эго-документах — История в эго-документах: Исследования и источники / Отв. ред. Н. В. Суржикова; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во «АСПур», 2014. 368 с.
- История и память — История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Кириллова — *Кириллова Е. Л.* Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации: На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 26 с.
- Коваленко — *Коваленко А. А.* Кинематографический код в русской литературе. URL: http://www.rusnauka.com/36_PWMN_2014/Philologia/3_180993.doc.htm
- Кознова — *Кознова Н. Н.* Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 25 с.
- Колядич — *Колядич Т. М.* Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.
- Кравченко-Бережной, 1998 — *Кравченко-Бережной Р. А.* Мой XX век: (Стоп-кадры). Апатиты: [б. и.], 1998. 263 с.
- Кравченко-Бережной, 2008 — *Кравченко-Бережной Р. А.* Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века. СПб.: Гамас, 2008. 423 с.
- Лаппо — *Лаппо М.* Типология мемуарно-автобиографических изданий: динамические аспекты // Библиосфера. 2015. № 2. С. 47–52.
- Луцевич — *Луцевич Л. Ф.* Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 41–62.
- Маркусь — *Маркусь А. М.* Потенциал дневниковой прозы периода Великой Отечественной войны // Филология и культура = Philology and Culture. 2016. № 3 (45). С. 124–128.
- Мартыанова — *Мартыанова И. А.* Кинематограф русского текста. СПб.: Свое издательство, 2011. 240 с.
- Матханова — *Матханова Н. П.* Сибирская мемуаристика XIX века / Отв. ред. Н. Н. Покровский; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
- Местергази, 2006 — *Местергази Е. Г.* Документальное начало в литературе XX века. М.: Флинта; Наука, 2006. 160 с.

- Местергази, 2008 — *Местергази Е. Г.* Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в.: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 246 с.
- Михайловская, Тортунова — *Михайловская Е. В., Тортунова И. А.* Литературная кинематографичность российской и британской прозы XX века: сопоставительный аспект (на примере прозы В. М. Шукшина и Г. Грина) // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 97–118.
- Можаева — *Можаева Т. Г.* Кинематографичность как одна из доминант идиостилевого развития современной художественной прозы // Международная научно-практическая конференция «Проблемы прикладной лингвистики»: Сб. ст. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2005. С. 172–174.
- Нора — *Нора П.* Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / Пер. с фр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Резник — *Резник О. В.* Великий Раскол: взгляд с того берега (автобиографическая проза первой волны русской эмиграции). Симферополь: Доля, 2010. 336 с.
- Резник, Заатов — *Резник О. В., Заатов И. А.* Мемороцентризм автобиографической прозы первой волны русской эмиграции: синтез субъективного и документального начал // Филология и культура = Philology and Culture. 2018. № 4 (54). С. 203—208.
- Сенявская — *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.
- Сословие русских профессоров — Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.
- Тартаковский, 1991 — *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: От рукописи к книге / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1991. 286 с.
- Тартаковский, 1999 — *Тартаковский А. Г.* Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 36–55.
- Тесля — *Тесля А. А.* Документальная проза: проблема и история жанров // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2012. Т. 3, № 1. С. 7–17.
- Тынянов — *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. М.: Наука, 1977. 574 с.
- Федоров — *Федоров Ф.* Мемуары как проблема // Studia Rossica XX. Mемуарystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe / Red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 2010. Т. 1. С. 25–49.
- Филатова — *Филатова Н. М.* Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: Сб. науч. трудов / Под ред. Н. М. Куренной. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.
- Хелльбек — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Ред. А. Щербенок, пер. С. Чачко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
- Цивьян — *Цивьян Ю. Г.* Кинематограф как термин литературоведения. Таллин: Ээсти Раамат, 1982. 206 с.

- Шайтанов — *Шайтанов И.* «Непроявленный жанр» или литературные заметки о мемуарной форме // Вопросы литературы. 1978. № 2. С. 50–77.
- Шеретов — *Шеретов С. Г.* Проблемы классификации мемуарных источников в советской историографии источниковедения // Вестник Университета Кайнар. 2002. № 2. URL: https://www.studmed.ru/view/sheretov-sg-problemy-klasifikacii-memuarnyh-istochnikov-v-sovetskoy-istoriografii82-94istochnikovedeniya_867bcdba999.html?page=2
- Assmann — *Assmann A.* Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung. München: C. H. Beck Verlag, 2007. 220 S.
- Connerton — *Connerton P.* How Societies Remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 121 p.
- Dekker — *Dekker R.* Jacques Presser's Heritage: Egodocuments in the Study of History // Memoria y Civilizacion (MyC). 2002. No 5. P. 13–37.
- Gensburger — *Gensburger S.* Halbwachs' Studies in Collective Memory: A Founding Text for Contemporary «Memory Studies»? // Journal of Classical Sociology. 2016. Vol. 16, No 4. P. 396–413.
- Kansteiner — *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: a Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Memory. 2002. Vol. 41, No 2. P. 179–197.
- Mascuh, Dekker, Baggerman — *Mascuh M., Dekker P., Baggerman A.* Ego-documents and History: A Short Account of the longue durée // The Historian. 2016. Vol. 78, No 1. P. 11–56.
- Olick, Sier, Wuestenberg — *Olick J., Sier A., Wuestenberg J.* The Memory Studies Association: Ambitions and an Invitation // Memory Studies. 2017. Vol. 10, No 4. P. 490–494.
- Passerini, Geppert — *Passerini L., Geppert A.* Historians in Flux. The Concept, Task and Challenge of Ego-Historie // Historein. 2002. No 3. P. 7–18.
- Schulze — *Schulze W.* Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung "Ego-Dokumente" // Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Ed. W. Schulze. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 1996. S. 11–31.
- Victims, Victors — Victims, Victors: From Nazi Occupation to the Conquest of Germany as Seen by a Red Army Soldier / R. A. Kravchenko-Berezhnoy; Foreword D. M. Glantz; Ed. L. Gyllenhaal. Bedford, Pennsylvania: Aberjona Press, 2007. 293 p.

References

- Assmann, A. (2007). *Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. München: C.H. Beck Verlag, 220 S.
- Balina, M. R. (2008). "Vyzhivlentsy" i postsovetskaya pop-memuaristika', *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, 6, 23–30.
- Bondarenko, M. 'Tekushchii literaturnyi protsess kak ob'ekt literaturovedeniya. (Stat'ya pervaya)', URL: <http://www.litsnab.ru/literature/231>
- Borovikova, M. V., Guzairov, T. T., Leibov, R. G., Smorzhevskikh-Smirnova, M. A., Fraiman, I. D., Fraiman, T. N. (2004). 'Russkie memuary v istoriko-tipologicheskomo osveshchenii: k postanovke problemy', in: "Tsep' nepreryvnogo predaniya": *Sbornik pamyati A. G. Tartakovskogo*. Moscow: Izdatel'skii tsentr Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 346—361.

- Burd'e, P. (2000). 'Pole literatury', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 45, 22–87.
- Bykov, A. V. (2014). 'Memuarnaya literatura v istoriografii Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov', in: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, 3 (3), 55–64.
- Connerton, P. (1989). *How societies remember*. Cambridge: Cambridge University Press, 121 p.
- Dekker, R. (2002). 'Jacques Presser's Heritage: Egodocuments in the Study of History', *Memoria y Civilizacion (MyC)*, 5, 13–37.
- Fedorov, F. (2010). 'Memuary kak problema', in: A. Wołodzko-Butkiewicz, L. Łucewicz, T. I. Wyd, eds., *Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 25–49.
- Filatova, N. M. (2018). 'Podkhody k izucheniyu ego-dokumentov v sovremennoi istoricheskoi nauke v svete "lingvisticheskogo povorota"', in: N. M. Kurennaya, ed., *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Institut slavyanovedeniya, 24–40.
- Galiullina, D. M. (2006). 'Problema izucheniya memuarov v otechestvennoi istoricheskoi mysli', in: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 148, 4, 36–45.
- Gal'kova, A. V. (2016). 'Osobennosti zhivopisnogo ekfrasisa v memuarно-biograficheskoi proze A. N. Benua i M. V. Dobuzhinskogo', *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, 2 (11), 28–48.
- Gensburger, S. (2016). 'Halbwachs' Studies in Collective Memory: A Founding Text for Contemporary "Memory Studies"?' *Journal of Classical Sociology*. Vol. 16, 4. 396–413.
- Georgieva, N. G. (2012). 'Memuary kak fenomen kul'tury i kak istoricheskii istochnik', *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Istoriya Rossii"*, 1, 126–138.
- Georgieva, N. G. (2016). 'Klassifikatsiya i polifunksional'nost' istoricheskikh istochnikov', *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Istoriya Rossii"*, 1, 7–19.
- Kansteiner, W. (2002). 'Finding Meaning in Memory: a Methodological Critique of Collective Memory Studies', *History and Memory*. Vol. 41, 2, 179–197.
- Khell'bek, I. (2017). *Revolutsiya ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoj ehpokhi*. Moscow: No-voe literaturnoe obozrenie, 424 p.
- Kirillova, E. L. (2004). *Memuaristika kak metazhanr i ee zhanrovyje modifikatsii: Na materiale memuarnoi prozy russkogo zarubezh'ya pervoi volny*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Vladivostok, 26 p.
- Kolyadich, T. M. (1998). *Vospominaniya pisatelei: Problemy poehtiki zhanra*. Moscow: Megatron, 276 p.
- Kovalenko, A. A. 'Kinematograficheskii kod v russkoi literature'. URL: http://www.rusnauka.com/36_PWMN_2014/Philologia/3_180993.doc.htm
- Koznova, N. N. (2011). *Memuary russkikh pisatelei-emigrantov pervoi volny: kontseptsii istorii i tipologiya form povestvovaniya*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Moscow, 25 p.
- Kravchenko-Berezhnoi, R. A. (1998). *Moi XX vek (Stop-kadry)*. Apatity, 263 p.
- Kravchenko-Berezhnoi, R. A. (2008). *Mezhdru belym i krasnym: Stop-kadry moego XX veka*. Sankt-Peterburg: Gamas, 423 p.
- Kravchenko-Berezhnoi, R. A.; D. M. Glantz, Foreword; L. Gyllenhaal, ed. (2007). *Victims, Victors: From Nazi Occupation to the Conquest of Germany as Seen by a Red Army Soldier*. Bedford, Pennsylvania: Aberjona Press, 293 p.

- Lappo, M. (2015). 'Tipologiya memuarно-avtobiograficheskikh izdaniy: dinamicheskie aspekty', *Bibliosfera*, 2, 47–52.
- Lutsevich, L. F. 'Dokumental'nost', *ego-dokument, russkaya pisatel'skaya ispoved'*. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/2018-document-lucewicz.pdf>
- Markus', A. M. (2016). 'Potentsial dnevnikovoi prozy perioda Velikoi Otechestvennoi voiny', *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 3 (45), 124–128.
- Mart'yanova, I. A. (2011). *Kinematograf russkogo teksta*. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 240 p.
- Mascuh, M., Dekker, P. & Baggerman, A. (2016). 'Ego-documents and History: A Short Account of the longue durée', *The historian*. Vol. 78, 1. 11–56.
- Matkhanova, N. P. (2010). *Sibirskaya memuaristika XIX veka*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 551 p.
- Mestergazi, E. G. (2006). *Dokumental'noe nachalo v literature XX veka*. Moscow: Flinta, Nauka, 160 p.
- Mestergazi, E. G. (2008). *Khudozhestvennaya slovesnost' i real'nost': dokumental'noe nachalo v otechestvennoi literature XX veka*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. Moscow, 246 p.
- Mikhailovskaya, E. V., Tortunova, I. A. (2015). 'Literaturnaya kinematografichnost' rossiiskoi i britanskoi prozy XX veka: sopostavitel'nyi aspekt (na primere prozy V. M. Shukshina i G. Grina)', *Nauchnyi dialog*, 11 (47), 97–118.
- Mozhaeva, T. G. (2005). 'Kinematografichnost' kak odna iz dominant idiostilevogo razvitiya sovremennoi khudozhestvennoi prozy', in: *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Problemy prikladnoi lingvistiki": sbornik statei*. Penza: Privolzhskii Dom znaniy, 172–174.
- Nora, P. (1999). 'Problematika mest pamyati', in: P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, M. Winock, eds., *Frantsiya-pamyat'*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 17–50.
- Olick, J., Sier, A., Wuestenberg, J. (2017). 'The Memory Studies Association: Ambitions and an Invitation', *Memory studies*. Vol. 10, 4, 490–494.
- Passerini, L. & Geppert, A. (2002). 'Historians in Flux. The Concept, Task and Challenge of Ego-Historie', *Historiein*, 3, 7–18.
- Repina, L. P., ed. (2006). *Istoriya i pamyat'*. *Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo Vremeni*. Moscow: Krug, 768 p.
- Reznik, O. V. (2010). *Velikii Raskol: vzglyad s togo berega (avtobiograficheskaya proza pervoi volny russkoi eh migratsii)*. Simferopol': Dolya, 336 p.
- Reznik, O. V., Zaatov, I. A. (2018). 'Memorotsentrizm avtobiograficheskoi prozy pervoi volny russkoi eh migratsii: sintez sub"ektivnogo i dokumental'nogo nachal', *Filologiya i kul'tura. [Philology and Culture]*, 4 (54), 203–208.
- Schulze, W. (1996). 'Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte? Vorüberlegungen für die Tagung "Ego-Dokumente"', in: Schulze W., ed., *Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte*. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 11–31.
- Senyavskaya, E. S. (1999). *Psikhologiya voiny v XX veke — istoricheskii opyt Rossii*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya, 383 p.
- Shaitanov, I. (1978). "Neproyavlennyi zhanr" ili literaturnye zametki o memuarnoi forme', *Voprosy literatury*, 2, 50–77.

- Sheretov, S. G. (2002). 'Problemy klassifikatsii memuarnykh istochnikov v sovetskoj istoriografii istochnikovedeniya', *Vestnik Universiteta Kainar*, 2. URL: https://www.studmed.ru/view/sheretov-sg-problemy-klassifikatsii-memuarnyh-istochnikov-v-sovetskoj-istoriografii82-94istochnikovedeniya_867bcdba999.htm-!?page=2
- Surzhikova, N. V., ed. (2014). *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo "AsPUr", 368 p.
- Tartakovskii, A. G. (1991). *Russkaya memuaristika XVIII — pervoi poloviny XIX v.: Ot rukopisi k knige*. Moscow: Nauka, 286 p.
- Tartakovskii, A. G. (1999). 'Memuaristika kak fenomen kul'tury', *Voprosy literatury*, 1, 36–55.
- Teslya, A. A. (2012). 'Dokumental'naya proza: problema i istoriya zhanrov', in: *Elektronnoe nauchnoe izdanie "Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta"*. Khabarovsk. Vol. 3, 1, 7–17.